Нравственный выбор и ответственность в повести А. И. Куприна «Поединок»: от мысли к поступку (Ромашов и Назанский)

Зулфикорова Назокат Жасуровна
Магистрантка Азиатского международного университета
E-mail: zulfiina06@gmail.com

Аннотация. В статье нравственный выбор героев повести А. И. Куприна «Поединок» рассматривается как поступок, за который человек отвечает лично. Ромашов и Назанский сопоставляются по одному признаку: что каждый делает со своей мыслью. Показано, что Назанский понимает, что нужно делать, и даёт верные советы, но сам остаётся на прежнем месте. Ромашов начинает с того же разрыва между мыслью и делом, а затем шаг за шагом переводит мысль в поступок. Гибель героя в финале прочитывается как цена такого поступка. Теоретической опорой служит понятие ответственного поступка из работы М. М. Бахтина «К философии поступка».

Ключевые слова: А. И. Куприн, «Поединок», нравственный выбор, ответственность, поступок, Ромашов, Назанский.

Abstract. The article examines the moral choice of the characters in A. I. Kuprin’s novella “The Duel” as an act for which a person answers personally. Romashov and Nazansky are compared by one criterion: what each of them does with his own thought. It is shown that Nazansky understands what should be done and gives sound advice, but stays where he was. Romashov starts from the same gap between thought and action, and then, step by step, turns thought into act. The hero’s death in the finale is read as the price of such an act. The theoretical basis is the concept of the responsible act in M. M. Bakhtin’s “Toward a Philosophy of the Act”.

Keywords: A. I. Kuprin, “The Duel”, moral choice, responsibility, act, Romashov, Nazansky.

Введение

«Поединок» обычно читают как повесть об армии, о муштре, об унижении солдат, о пустоте гарнизонной жизни. Но в центре её оказывается не среда, а человек, однажды начавший задавать себе вопросы и обязанный решить, что с ними делать. Кончается ли такая мысль словом, привычкой жить по-старому или делом? Для Куприна это вопрос нравственный.

В науке о повести он ставился с иных сторон. А. С. Смирнов прослеживает путь Ромашова как смену типов сознания, от роевого к конвергентному, и сближает повесть с «Посторонним» Камю и «Тошнотой» Сартра [1, с. 142, 147]. Н. В. Омелаенко анализирует ценности и антиценности героев, объясняя их перемены тяжёлыми условиями службы [2, с. 82, 84]. И в той, и в другой работе герой предстаёт результатом: либо развития сознания, либо давления среды. У Смирнова Назанский выступает носитель дивергентного сознания, и его появления связаны прежде всего с личным сюжетом Ромашова [1, с. 146]; у Омелаенко это офицер, не способный измениться [2, с. 84]. Вне поля зрения остаётся сам момент выбора, то есть разница между тем, кто понимает, и тем, кто действует.

Новизна работы определяется тем, что выбор героев «Поединка» рассматривается как поступок, а не как итог развития или следствие обстоятельств. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, как нравственный выбор проходит путь от мысли к поступку и чем в этом различаются Ромашов и Назанский. Для этого выясняется, во что превращаются у Назанского его мысли; прослеживается, что делает Ромашов, придя к своим вопросам; герои сопоставляются по готовности отвечать за своё слово и решение; наконец, определяется, как финал повести отвечает на этот вопрос. Материалом служит текст повести, а методами сопоставительный анализ героев и анализ эпизодов.

Обзор исследований

Долгое время «Поединок» читали как рассказ об армии. Как замечает А. С. Смирнов, после выхода в 1905 году повесть обсуждали прежде всего в качестве неприглядной картины офицерского сословия, и такой взгляд держался почти весь XX

век [1, с. 142]. Современные работы смотрят на неё иначе, и две из них близки нашей теме.

А. С. Смирнов опирается на типологию ментальности В. И. Тюпы. Офицерская среда, по его мнению, живёт роевым и ролевым сознанием, при котором личное самоопределение невозможно [1, с. 144]. Единственный герой, в котором есть черты всех типов, это Рамашов, а внутренний сюжет повести состоит в том, какой из них победит [1, с. 145]. Назанский описан как носитель дивергентного сознания: он держится в стороне от офицерского круга и видит в другом человеке источник собственных переживаний [1, с. 146]. Смирнов подчёркивает обманчивость сходства взглядов двух героев, за которым стоит разное отношение к чужому «я» [1, с. 146]. Гибель Ромашова, по его мысли, подтверждает высшую ценность конвергентного сознания [1, с. 147]. К Бахтину Смирнов обращается ради того, чтобы отделить жизнь человека от её теоретических моделей [1, с. 142–143], однако вопрос об ответственности за поступок не ставит. Н. В. Омелаенко анализирует ценности и антиценности героев: описывает мечты молодого Ромашова и его последующее падение [2, с. 83], а встречу с Хлебниковым называет поворотным пунктом [2, с. 84]. Ценностями Назанского в её описании выступают красота жизни, мысль, воображение, любовь и свобода, но изменить себя он не в силах и в итоге пьёт и уходит на больничный [2, с. 84]. Главный вывод статьи таков: ценности героев меняются под давлением тяжёлых условий службы [2, с. 84]. К нашей теме примыкает замечание, что не все герои понимают глубину своего падения и ничего не делают, чтобы изменить жизнь [2, с. 84], но оно остаётся выводом и не разбирается. Итак, в обеих работах герой описан через тип сознания или систему ценностей, а причиной перемен названы развитие или среда. В центр не поставлен вопрос о том, чем отличается человек, который понимает, от того, кто действует сообразно своему пониманию, и кто отвечает за выбор.

Теоретическая основа

Опорой служит ранний трактат М. М. Бахтина «К философии поступка». Е. В. Беляева видит в нём основу этики ответственности, отличной от этики долга и этики

блага [4, с. 21]. Главная мысль трактата состоит в том, что человек присутствует в мире через свои поступки [4, с. 22]. Теоретический мир, по Бахтину, строится в отвлечении от факта единственного бытия человека [3, с. 13, цит. по: 1, с. 143]. Одно сознание, пишет Беляева, не подвигает человека к нравственному поступку, потому что остаётся теоретическим [4, с. 24]. Отсюда ключевое понятие: у человека «нет алиби в бытии» [3, с. 42; 4, с. 22]. Сослаться на то, что он был где-то в другом месте, он не может и отвечает за поступок со своего единственного места. При этом ответственность не наступает после поступка, а предшествует ему [4, с. 24]. Обязывает не содержание обязательства, а подпись под ним, то есть личное решение его взять [3, с. 37; 4, с. 24]. Пока ценности не станут действительностью в поступке, они остаются возможностями [3, с. 41; 4, с. 25]. Поступком может стать и мысль, и чувство, если человек за них отвечает [3, с. 41–42; 4, с. 24]. Беляева отдельно отмечает: у Бахтина действие не следует за мышлением, а проявляется сразу в поступке [4, с. 22]. Отсюда критерий сопоставления героев. Мы спрашиваем не о том, какие идеи у каждого, а о том, стала ли идея его поступком, то есть взял ли он ответственность со своего места. Это наше прочтение, а не вывод Бахтина или Беляевой. Поэтому «путь от мысли к поступку» в заголовке мы понимаем как путь мысли, которая становится поступком, когда человек отвечает за неё.

Назанский: мысль без поступка

Разрыв между мыслью и делом Назанский сам называет уже в первой сцене (гл. V): «Я ненавижу, например, военную службу, но служу». Служит он, по его словам, из «животного страха жизни» [5, гл. V]. Свободным он чувствует себя только в запое, когда освобождён от службы и может думать о любви, красоте и равенстве людей. Однако и эти мысли он оценивает трезво: озарение для него лишь действие алкоголя, ничего прочного в нём нет [5, гл. V]. Всё понимая, он остаётся при прежнем. Тот же разрыв виден в любви. Письмо Шурочки, показанное им Ромашову, содержит просьбу «о немногом», то есть просьбу о поступке, а не о словах [5, гл. V], и её он не выполнил. Смирнов замечает, что Назанский воспринимает другого человека как источник собственных переживаний [1, с. 146]. Омелаенко пишет, что изменить свою

жизнь он не в силах [2, с. 84]. Во второй сцене (гл. XXI) Назанский сам советует Ромашову: «Уходите, Ромашов», признаваясь при этом, что «попробовал воли» и вернулся назад [5, гл. XXI]. Мысль у него честная, совет верный, но это совет человеку, которому предстоит то, чего сам советчик не сделал. В той же главе Назанский убеждает Ромашова, что человеку никто не дороже самого себя [5, гл. XXI]. Такую мысль можно прочитать как оправдание его собственного положения: если ближе всего себя, то и отвечать не за кого. В бахтинских терминах Назанский ищет алиби, которого у человека нет [3, с. 42]: службу он объясняет страхом, а запой превращает в способ быть где-то в другом месте. Это наше прочтение, а не вывод исследователей.

Ромашов: от вопроса к поступку

В главе VI Ромашов впервые за долгое время остаётся наедине с собой: арест убрал службу, карты и вечера в собрании, от которых он обычно убегал [5, гл. VI]. Он вдруг видит, что его «Я» подчинялось призракам: уставу, чинам, привычкам. Вспоминается ему и то, как в детстве мать привязывала его за ногу к кровати и он сидел, хотя мог убежать. Но на вопрос, не уйти ли со службы, он отвечает отказом: заклюют, сопьётся, упадёт на первом шаге [5, гл. VI]. Это тот же страх перед самостоятельной жизнью, что у Назанского: Ромашов так же понимает и так же остаётся. Перелом наступает в конце главы. Гайнан покупает ему папиросы на последние солдатские копейки, и Ромашов спрашивает себя, что он сделал, чтобы прикоснуться душой к душам солдат. Ответ: «Ничего» [5, гл. VI]. Смирнов относит это самовопрошание к конвергентному сознанию [1, с. 147]. Для нашей темы важнее другое: вопрос впервые обращён к собственному делу. Сразу после этого Ромашов распахивает окно к Шурочке и целует ей руку: «Вот так надо искать выхода!» [5, гл. VI]. Это ещё порыв, а не ответственный поступок. Дальше мысль получает действие. В главе XVI, думая о самоубийстве, Ромашов встречает на железнодорожных путях солдата Хлебникова, удерживает его, называет «братом» и освобождает от наряда [5, гл. XVI]. В следующей главе он приходит к выводу, что никто из офицеров, как до сих пор и он сам, не подозревает, что «серые Хлебниковы» являются живыми людьми [5,

гл. XVII; 1, с. 147], и тут же ищет для Хлебникова небольшой заработок [5, гл. XVII]. Омелаенко называет эту встречу поворотным пунктом [2, с. 84], но у Куприна она выглядит не толчком извне, а продолжением собственной мысли героя. Самый заметный поступок совершается в главе XIX. В офицерском собрании Ромашов бьёт кулаком по столу: «Не позволю! Молчите!» Он кричит, что офицерам на самом деле не смешно, а «больно и страшно» [5, гл. XIX]. В ответ ему бросают: «Вы — и разные Назанские!» [5, гл. XIX]. Окружающие ставят его на одну доску с Назанским, хотя к этому времени они уже различаются тем, что идёт после слова. Начинается драка, и Ромашов вызывает противника на дуэль [5, гл. XIX]. Вызов его собственный. Каждый из этих поступков Ромашов совершает со своего места и под своей подписью. По Бахтину, это и есть ответственность: сослаться на то, что он только думал, он уже не может [3, с. 42].

Финал: цена поступка

После столкновения суд офицеров признаёт дуэль единственным выходом. В главе XX у Ромашова остаётся и возможность оставить службу, но он думает о себе как о человеке «приговорённом» и «одном» [5, гл. XX]. Накануне Назанский говорит ему: «Уходите» [5, гл. XXI]. Решение о дуэли в итоге принадлежит не ему одному. Накануне он сам предлагает Шурочке отказаться от поединка и извиниться, но она убеждает его, что драться нужно, а ранен не будет никто. Ромашов отвечает: «Я не боюсь!» и затем: «Хорошо, пусть будет так. Я согласен» [5, гл. XXII]. Рапорт, которым кончается повесть, фиксирует, что Ромашов был ранен и ответить выстрелом не смог [5, гл. XXIII]. Смирнов видит в гибели героя подтверждение ценности конвергентного сознания [1, с. 147]. Мы читаем финал иначе. Смерть не является итогом выбора: Ромашов не выбирает смерть, а соглашается на дуэль, которую считает постановочной.

Его поступок остаётся в главе XIX, а гибель оказывается ценой, которую платит человек, поступивший вопреки правилам среды. Назанский, давший верный совет, остаётся жить. Холодный язык рапорта можно прочитать как знак того, что среда ответа не несёт. Это наше прочтение.

Заключение

Сопоставление показывает, что разница между Ромашовым и Назанским не в уме и не в верности мыслей. Назанский знает, что надо делать, и говорит об этом, но сам остаётся там, где был. Ромашов начинает с того же разрыва, а затем шаг за шагом переводит мысль в поступок: Хлебников, собрание, дуэль. Каждый раз он действует со своего места и без алиби. Гибель в финале становится не наградой за выбор и не его итогом, а цена, которую платит человек, поступивший вопреки правилам среды. Такой взгляд дополняет работы Смирнова и Омелаенко: герой «Поединка» оказывается не только результатом развития сознания или давления обстоятельств, но и тем, кто отвечает за свой выбор.

References

1. Smirnov A. S. Tipy mentalnosti i ekzistentsialistskaya samoidentifikatsiya lichnosti v povesti A. I. Kuprina «Poedinok» // Vesnik MDPU imya I. P. Shamyakina. 2023. № 1 (61). S. 142–148.
2. Omelaenko N. V. Tsennosti i antitsennosti cheloveka (na primere romana A. I. Kuprina «Poedinok») // Gumanitarnye i sotsialnye nauki. 2025. T. 108, № 1. S. 82–86.
3. Bakhtin M. M. K filosofii postupka // Sobr. soch.: v 7 t. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury, 2003. S. 7–68.
4. Belyaeva E. V. M. M. Bakhtin kak osnovatel etiki otvetstvennosti // Vesnik Brestskaga o‘niversiteta. Ser. 1. 2025. № 2. S. 21–26.
5. Kuprin A. I. Poedinok. Olesya: povesti. M.: Eksmo, 2022. 384 s.